

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание учёной степени
кандидата юридических наук Урошлевой Александры Сергеевны
на тему: «Аргументация решений органов конституционного
правосудия: основные элементы теории» по специальности 5.1.2 —
«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

В юриспруденции широко признано, что мотивированность «рассматривается в качестве общего требования к судебным актам, соблюдение которого в значительной степени придает таким актам качества правосудности, легальности»¹. Акты конституционных судов и эквивалентных им органов (*далее — конституционные суды, судебные органы конституционного контроля*) не являются исключением в этом отношении. Согласно Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации», итоговые решения Конституционного Суда — постановления и заключения — излагаются в виде отдельных документов с обязательным указанием мотивов их принятия (часть четвёртая статьи 74). По сложившейся практике развёрнутая мотивировочная часть характерна и для определений почти всех типов — от отказных до определений о разъяснении решений Суда.

Накопленный опыт изложения мотивированных решений конституционных судов вызывает закономерный интерес исследователей к содержательной стороне мотивировки, порождая следующие вопросы: чем именно эти суды аргументируют свои решения? Какова структура конституционно-судебной аргументации? Какая аргументация становится образцом для подражания в других правопорядках? Существуют ли стандарты аргументации, и если да, то каковы они, а если нет, то можно ли их придумать?

¹ Петров А.А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2. С. 95–110, 103–104.

Основная идея кандидатской диссертации А.С. Урошлевой состоит в теоретическом обосновании требований к аргументации решений судебных органов конституционного контроля, чтобы решения, с одной стороны, не становились поводом для нападков на эти органы, а с другой — служили эффективным средством правовой защиты. Под аргументацией в диссертации понимается многоаспектное явление: интеллектуальная деятельность судей по обоснованию решений, приведению доводов в пользу принятия решения, а также речевая, социальная и познавательная деятельность (с. 4). Постановка вопроса о выработке своего рода стандартов аргументации, как минимум к текстуальному изложению таких решений, вполне имеет право на существование, а поскольку в России мало кто писал на эту тему², то её актуальность сложно подвергнуть сомнению.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор ограничивает свои творческие амбиции изложением основных элементов теории аргументации решений конституционных судов, не претендуя на исчерпывающую полноту её осмысления. Для кандидатской диссертации это весьма адекватно.

Ещё одна особенность рассматриваемой работы состоит в том, что она имеет междисциплинарный характер, будучи написана «с привлечением трудов из областей языкознания, философии, логики, риторики с целью всестороннего, наиболее полного исследования заданной проблематики» (с. 12), и позиционируется как вносящая вклад «в развитие теории аргументации в целом в части конституционно-правовой науки» (с. 49). Это позволило продуктивно сместить угол зрения на аргументацию решений судебных органов конституционного контроля, что раздвинуло рамки её понимания как формально-юридического явления, ведь система судебных аргументов объективно представляет собой нечто большее, чем набор ссылок

² Немногочисленными примерами, не упомянутыми в диссертации А.С. Урошлевой, являются вышеназванная статья А.А. Петрова, следующая работа: Чирнинов А.М. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3. С. 33–61 и некоторые другие.

на нормативные правовые акты и интерпретацию этих актов. Не исключено, что конституционно-судебную аргументацию вообще иначе не изучить. В то же время междисциплинарный характер диссертации породил ряд ограничений для её оценки мной как специалистом в области права и вопросов, что будет изложено в отзыве далее.

Несомненным плюсом исследования А.С. Урошлевой является то, что оно выполнено с привлечением значительного объёма эмпирического материала — решений российского Конституционного Суда (64) и зарубежных судебных органов конституционного контроля (81). Это позволило проиллюстрировать большинство сюжетов, связанных с проблематикой их аргументации и создать репрезентативную основу для сделанных выводов.

Анализируя степень обоснованности положений, выносимых на защиту, научных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну, необходимо остановиться на следующем. Автор выносит на защиту девять положений, заключающих в себе, однако, больше девяти тезисов — как сформулированных прямо, так и выраженных имплицитно. Часть из них нужно поддержать ввиду ценности для развития публично-правовых наук, а точнее для конституционного правосудия. Это тезисы о том, что решения конституционных судов должны быть открыты к аргументам разных участников процесса и что конституционные суды должны обосновывать судебское правотворчество, соблюдая принцип разумной сдержанности (положение 1); что разные аргументы (паттерны мета-аргументации, как называет их диссертантка) пригодны для разных типов конституционно-судебных дел — например, апелляция к конституционной идентичности подходит для дел, ключевым вопросом которых является проверка конституционных изменений (положения 7-9). Эти тезисы сами по себе ясны, отличаются новизной, свидетельствуют о личном вкладе А.С. Урошлевой в науку и получили подробное обоснование в диссертации с помощью корректного научного инструментария, в том числе с помощью упомянутого выше сравнительно-правового метода исследования.

Возможно, автор с этим не согласится, но с другой частью тезисов трудно спорить по причине слишком общего характера и кажущейся очевидности: например, с тем, что для решений конституционных судов характерна перечисленная в диссертации специфика, среди конкретных требований к ним — обоснование релевантными доводами, изложение в соответствии с правилами формальной логики и риторики, опора на диверсифицированный методологический арсенал толкования конституционных норм и иных объектов толкования и аргументации, а общим требованием к решениям следует считать высокое качество аргументации (положение 1); что формально-логический подход — это в некотором смысле базис аргументации (положение 2); что орган конституционного контроля остаётся защитником конституционного правопорядка, отдельной личности и общества, меньшинства и большинства, публичных и частных интересов (положение 3); что аргументация в содержательном смысле объясняет резолютивную часть решения суда (положение 4); что конституционное регулирование одновременно отражает и формирует правопорядок, в связи с чем должно быть приспособлено к адаптации вслед за ключевыми общественными переменами (положение 9). Как представляется, это не самый главный результат интеллектуального труда А.С. Урошлевой, и всё это можно было бы опустить, решая вопрос о формулировании положений для защиты.

Третью часть тезисов мне сложно профессионально оценивать, потому что они выходят за рамки юридических наук. Это тезисы о том, что в комплексный подход, на основании которого должна выстраиваться аргументация решений судебных органов конституционного контроля, включаются формально-логический, риторический и прагма-диалектический (*а не какие-то ещё — О.К.*) подходы (положение 2); что в аргументации решений судебных органов конституционного контроля можно выделить область мета-аргументации, у которой, по версии автора, есть конкретное содержание, а также структура — статические и динамические элементы (положения 5 и 6).

Наконец, четвертую часть тезисов нужно дополнительно обсудить с целью уточнить позицию автора.

1. Из совокупности всех положений, выносимых на защиту, следует, пользуясь терминологией автора, «обоснованное предположение» (с. 51) о том, какой должна быть аргументация решений органов конституционного контроля — в частности, рациональной, убедительной и справедливой. Анализируемая диссертация защищается в рамках только юридических наук. В то же время, повторю ещё раз, аргументация решений судебных органов конституционного контроля рассматривается в ней как объект междисциплинарной теории аргументации (см., в частности, § 1.1. «Специфика решений органов конституционного правосудия как объектов теории аргументации»). А.С. Урошлева намеревалась сделать выводы о применимости основных подходов к пониманию, анализу и моделированию аргументации к практической юридической деятельности по осуществлению конституционного правосудия (с. 51). Вместе с тем в работе недостаточно чётко проговорено, как именно сформулированные в ней качества аргументации решений конституционных судов возможно реализовать юридически, например, как формализовать и затем измерить степень рациональности, убедительности и справедливости аргументации; кто и в какой процедуре будет это делать; каковы правовые последствия нерациональной, неубедительной и несправедливой аргументации решений органов конституционного контроля. Хотелось бы услышать мнение автора на этот счёт на защите.

2. Диссертантка утверждает, что аргументация решений конституционных судов преследует цель принятия решений аудиторией (положение 3), притом что аудитория понимается максимально широко — от заявителей по делу до общества в целом. Во-первых, хотелось бы конкретизировать понятие принятия: к какой области жизнедеятельности оно относится, в чём выражается и каким образом соприкасается со сферой права? Существуют ли примеры, когда решение судебного органа конституционного

контроля не было принято кем-то? Что случилось потом — в юридическом плане? Может, лучше говорить о том, что в решении конституционного суда должно быть прозрачно и последовательно объяснено, почему судьи пришли к одному, а не к другому выводу? Во-вторых, надо понять, имеется ли здесь в виду сущее, т.е. тот факт, что эти решения всегда или в подавляющем большинстве случаев нацелены именно на такой результат, или о должном — в духе всей диссертации? Если верно первое, то на основе каких репрезентативных данных сделан этот вывод? Если верно второе, то насколько обоснованным будет столь сильно расширять понимание аудитории решений конституционных судов? В контексте рассуждений автора было бы интересно узнать — скажем, на примере России — даже не то, знакома ли широкая общественность с деталями аргументации решений Конституционного Суда, а то, в курсе ли она существования Суда и его компетенции вообще. В-третьих, как быть с теми ситуациями, когда решение принимают, что бы это ни значило, одни общественные группы, а другие — нет, ведь восприятие общества как чего-то монолитного — это во многом условность?

3. В диссертации выделено три динамических паттерна мета-аргументации, которые я буду называть, как раньше³, аргументами: баланс конституционных интересов и пропорциональность ограничения прав и свобод, конституционная идентичность, эволюция конституционно-правового регулирования в процессе социальных изменений (положения 6-9). Здесь требует прояснения следующее: является ли этот перечень исчерпывающим? Например, существуют ситуации, когда конституционно-правовой дефект закона выражается не в чрезмерности ограничения прав человека, т.е. в степени вмешательства государства в это право, а в ненадлежащем основании ограничения прав в виде личных характеристик человека, таких как пол, возраст и т.п., без достаточных причин служащих оправданием для государственного вмешательства, в результате чего имеет место

³ См., например: Кряжкова О.Н., Подоплелова О.Г. Стратегия защиты в Конституционном Суде России: Практическое руководство. 3-е изд., доп. М., 2021. С. 58.

дискриминация. Алгоритм рассуждений в делах о дискриминации тоже возможен, но он не тождественен алгоритму рассуждений в делах об ограничении прав⁴. Если ту же недискриминацию нельзя назвать паттерном мета-аргументации, то почему?

4. По мнению исследовательницы, все конституционно-правовые споры условно можно свести к столкновению двух конституционно-правовых интересов: частных и публичных. Возможны три комбинации этих споров: частный интерес сталкивается с частным, частный — с публичным и публичный — с публичным (с. 121). Аргумент о балансе конституционно-правовых интересов и соразмерности ограничения прав и свобод применим только для ситуаций столкновения частных интересов между собой и частных и публичных интересов. Его использование не релевантно для столкновения публичных интересов между собой (внутригосударственных или внутригосударственного и международного) (с. 122, а также, в концентрированном виде, положения 7 и 8). Что понимает автор под частными и публичными интересами и как учитывается при этом специфика конституционного правосудия, которое имеет дело не с разрешением конкретных споров между частными лицами, а, как правило, с проверкой конституционности законов, в том числе по жалобам на нарушение конституционных прав? Насколько оправданно считать защитой частного интереса конституционную жалобу о неконституционности, допустим, уголовно-процессуальной нормы о том, кому положен, а кому не положен суд присяжных? Не идёт ли здесь речь о защите, в конечном счёте, публичного интереса в виде обеспечения равного доступа к суду присяжных, инициируемой конкретным заявителем-гражданином, и в том-то и состоит резон для конституционного суда рассмотреть это дело? Кроме того, в российских реалиях непосредственным результатом конституционного судопроизводства доступ к суду присяжных, в случае положительного исхода

⁴ См., например: Дудко И.А., Кряжкова О.Н. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. М., 2020. С. 147-152.

дела, заявителю обеспечен не будет. Иными словами, даже если согласиться с тем, что в этом примере наличествует некий частный интерес, то Конституционный Суд этот интерес не защитит именно в качестве частного интереса.

5. Ответ на предыдущий вопрос будет иметь значение ещё для одного. А.С. Урошлева полагает, что аргумент о конституционной идентичности применим в делах о конкуренции национального и наднационального регулирования, но не релевантен для дел, в которых сталкиваются частные интересы между собой и частные и публичные интересы. Как экстраполируется этот вывод на ситуации, когда предметом конкуренции национального и наднационального регулирования выступают вопросы прав человека, как это было, в частности, в деле о возможности исполнения Россией решения Европейского Суда по правам человека, касающегося пассивного избирательного права заключённых (дело Анчугова и Гладкова)? По каким признакам будут отличаться дела, предполагающие один, но не другой вычлененный паттерн мета-аргументации?

Я рассматриваю сформулированные вопросы не столько как критические замечания, сколько как повод для дискуссии, вызванный интересным подходом к изучению выбранной А.С. Урошлевой темы. Они подтверждают мой общий вывод о том, что диссертация вносит вклад в научное осмысление тематики качества аргументации решений конституционных судов, а следовательно, в развитие публично-правовых наук.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.1.2. — «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» (по юридическим наукам), а также критериям, определённым пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена

согласно приложениям №№ 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Урошлева Александра Сергеевна заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. — «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук,

доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»,

Кряжкова Ольга Николаевна

21.03.2023

Контактные данные:

Тел.: +7 (495) 332-53-51, e-mail: kkp@rsuj.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
12.00.02 — Конституционное право; муниципальное право

Адрес места работы:

117418, г. Москва, улица Новочерёмушкинская, дом 69

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»,

кафедра конституционного права имени Н.В. Витрука,

Тел.: +7 (495) 332-53-51, e-mail: kkp@rsuj.ru